

У ХАДЖИ-МУРЗЫ

Еще задолго дотемна дойдя до курортного пригорода, мы увидели дом, сад, ворота, которые нам описал Кумук. Твердо решили, что это дом Хаджи-Мурзы, но во дворе никого не было видно. Постучаться в ворота мы не осмелились, решили ждать, пока не появится кто-нибудь. У дороги была лужайка, много диких груш и яблонь. Ослика своего я пустил пастись. Ждали довольно долго. Нам стало скучно. Взяв палки, мы стали изображать косарей, водя палками по дорожной пыли. Мы и не заметили, как в это время подъехал верховой. Он сидел на гнедом жеребце, на нем была не белая, а серая черкеска, коричневая папаха и коричневый бешмет. Он покрутил усы и сказал:

— Иш къолай болсун! * Молодцы! Здорово косите сено. Видно, работящи.

Мы догадались, что это Хаджи-Мурза, но растерялись и ничего не могли сказать. Палки свои опустили на землю, с удивлением глядя на красивого человека на красивом коне с золоченой сбруей.

— Откуда вы и чьи?

Мы ответили.

Хаджи-Мурза направил коня к воротам и позвал нас за собой. Мы пошли за ним. Он ловко спешился, открыл ворота, и все мы зашли во двор. Ослика я тоже завел во двор. Дома у Хаджи-Мурзы никого не было. Мы рассказали ему, что явились сюда, решив учиться на русском языке.

— Правильно, очень похвально,— сказал Хаджи-Мурза. Он обещал устроить нас в русскую школу.

В пригороде, где находился дом Хаджи-Мурзы, жило немало мальчиков — наших ровесников и сверстников. Мы очень скоро перезнакомились со многими из них, с некоторыми подружились, другие относились к нам выскомерно — называли нас деревенскими. Такое настроение им внушала наша одежда: мы были одеты в залатанные бешметики и брюки, а у тех зазнаек были белые рубашки и цветные трусы. Правда, очень скоро они лишились этого своего преимущества: жена Хаджи-Мурзы купила нам нарядные рубашки и трусы. Несмотря на это, в глазах некоторых мальчишек мы остава-

лись деревенскими. Это было причиной того, что мы с ними частенько дрались и лупили друг друга. Однажды утром я привязал своего ослика длинной веревкой к старой дикой груше, чтобы он мог пастись спокойно. Когда же я, позавтракав, пришел обратно, увидел нечто ужасное: трое из наших врагов сидели на ослике, один тянул его за хвост, а другой за уши. При этом все они хохотали, видимо получая огромное наслаждение от издевательства над животным. Я так возмутился, что готов был наказать их или умереть.

* Иш къолай болсун! - Пусть работа будет хорошей! (балк.)

— Бросьте! Бросьте! Не издевайтесь над осликом! — крикнул я.

Тогда они стали хохотать еще громче, стоявший сзади ослика мальчик тянул его за хвост еще старательнее, а второй хватал за уши еще усердней. Я вновь крикнул, чтобы они прекратили это безобразие, но не тут-то было. На меня посыпались ругательства и насмешки. Тогда я, забыв, что они могут превратить меня в котлету, ринулся в бой. Завязалась битва одного против пятерых. Они колотили меня страшно, но я тоже не щадил никого из них. Са-гид вышел из калитки, увидел, что пятеро бьют одного, но не пришел мне на помощь, а ушел обратно во двор, изменив мне второй раз. Я не знаю, что бы эти паршивцы — злые мальчишки — сделали со мной, если бы не появились Вова, Самат и Ахмат, с которыми я подружился. Они отважно вступили в бой, изрядно поколотили зазнаек. В бою особенно отличился Ахмат, который был смел и справедлив. Наши противники, потерпев поражение, отступили, мы их некоторое время преследовали, потом вернулись к ослику, ласкали его, говорили ему добрые слова, чтобы он успокоился после издевательства гад-ких мальчишек. С Сагидом я снова перестал разговаривать, считая его преда-телем.

Хаджи-Мурза нравился мне во всем, но особенно мне было по душе, как он вечерами, после службы, сосредоточенно набивал табаком пустые гильзы. Я не курил, не знал и не понимал значения табака, но почему-то мне очень нравилось это занятие, так сильно занимавшее знаменитого человека. Хаджи-Мурза вернулся со службы вечером перед выходным днем, как всегда верхом, и предупредил нас, что утром мы с ним поедем на базар. Он поел и стал набивать табаком пустые гильзы. Я с удовольствием следил за его рабо-той. Он все делал хорошо.

Утром действительно мы отправились на рынок. Хаджи-Мурза сел на белого мерина. Одет он был нарядно — на нем были белая черкеска, белый бешмет, на боку висел маузер, на голове была коричневая папаха. Золоченый кинжал и газыри блестели. Этот человек был прекрасен. Мне до сих пор до-ставляет удовольствие вспоминать о нем и представлять себе его образ. Жена Хаджи-Мурзы и Сагид ехали на одноколке, в которую запрягли сивую кобы-лу, а я гарцевал на своем белом ослике рядом с самим Хаджи-Мурзой. То-то была радость! Вспомнив тех мальчишек, которые издевались над осликом и надо мной, я говорил про себя: «Посмотрите, дураки, с кем я еду рядом! Он на белом коне и я на белом! Теперь-то вы не посмеете тронуть меня и моего ослика!»

Утро было прекрасное, солнечное. Душа моя пела, оттого что я ехал с самим Хаджи-Мурзой, чем я очень гордился. Счастливый, повторял я про се-бя свою песенку: «Скачи, мой ослик! Скачи, мой ослик!» Так гордо я проехал через весь город рядом с Хаджи-Мурзой. Мне казалось, что нет мальчика счастливее меня не только в Чегеме, но и во всей Балкарии и Кабарде.

Большой базар я видел впервые. Запомнилось многое, но особенно чет-ко помню мороженое, которое купила мне жена Хаджи-Мурзы. До сих пор я слышу даже голоса мальчишек, кричавших:

— Кому воды холодной?! Кому воды холодной?!

Каждый из них нес ведро и кружку. Теперь таких мальчишек нет на наших базарах. Через два дня после того, как мы были на рынке, Хаджи-Мурза повел нас к русской учительнице. Немолодая седая женщина встретила нас привет-ливо. Хаджи-Мурза говорил с ней о нас, сказал, что мы хотим учиться по-русски, знать русский язык. Я видел, что она улыбнулась. По ее лицу я дога-дывался, что она согласна учить нас. Она ведь еще не знала, что мы совсем ничего не смыслим в русском языке. Она показала нам

палочку и спросила, как это называется.

— Чыбыкъ! — ответили мы.

Учительница снова улыбнулась. Она подняла руку, мы быстро сказали:

— Къол.

Она засмеялась и поняла, что мы не знаем по-русски ни слова. Ей, видимо, не хотелось огорчить не только славного Хаджи-Мурзу, но и нас, и все же она, поразмыслив, сказала:

— Дорогой Хаджи-Мурза, мне очень досадно огорчить вас и этих милых детей, но они пока учиться в русской школе не смогут. Сначала их надо готовить.

Так рухнула на первых порах наша мечта учиться в городе.

Под вечер я кормил ослика во дворе. В это время подъехал после служ-бы Хаджи-Мурза. Он, ведя меня за собой, зашел домой, и нашим глазам предстала такая картина: рослый и грузный мужчина стоял в середине комнаты, приставив прямо ко рту Сагида пистолет. Это был его отец Харун.

— Брось! — крикнул Хаджи-Мурза.— Спрячь наган!

Харун не выполнил приказание старшего брата. Тогда тот подошел к нему и, вырвав из рук его оружие, сказал:

— Дурак! Чем балуешься?! Дурак и тот, кто доверил тебе оружие. Са-дись! — И он указал брату на кресло у стенки, сам сел в другое кресло с пра-вой стороны. Испуганный и плачущий Сагид хотел выбежать во двор, дядя вернул его, подозвал к себе, сказал ласковые слова, успокоил его.

— Разве можно, Харун, так пугать ребенка? — выразил свое возмуще-ние Хаджи-Мурза снова.— Ведь можешь сделать его больным навсегда.

— А что он, негодный, паршивец, бежал, оставив на произвол судьбы баранов, которых он пас? И дружок его, этот Ако, тоже паршивец! Они стоят друг друга. Негодяи, бежали, исчезли, а мы, обшаривая все леса и ущелья, разыскивая их, думаем, что их съели волки, а они вон где. Кто бы мог подумать?

— Дети есть дети. И поступки у них детские. А потом, ты пойми их, что их стремление учиться, получить образование — это умно и похвально.

— Пусть учатся в ауле, зачем им город?

— Это ты, брат, не хочешь ничего знать, а они хотят изучить русский язык, желают быть образованными людьми, а не оставаться невеждами, как ты, угрожающий ребенку оружием. Безобразие.

Хаджи-Мурза оказал ему, что он водил нас к русской учительнице. А она посоветовала подготовить нас сначала, а потом мы можем поступить в русскую школу.

— Не надо! — буркнул Харун.

— Пора тебе бросать эту самую партизанщину. Пусть ребята поживут у меня, готовятся и учатся на здоровье. Может быть, из них выйдут полезные для нашего народа люди.

— Не надо! Пусть пасут скот в горах! — стоял Харун на своем.

— Пастухов в Балкарии пока хватает, а вот ученых и грамотных работ-ников совсем мало. И Советская власть требует от нас, чтобы мы исправили это положение, избавившись от страшного наследия прошлого. Мы добьемся этого, как бы ни сопротивлялись такие, как ты, непонимающие люди.

— Как ни говори, брат, ребят я здесь не оставлю, завтра же погоню их обратно в горы. И в дороге не дам ни передохнуть, ни воды напиться. Вот как с ними надо поступать.

— Жестокий ты человек, Харун!

— Я погоню их все равно. Так погоню, что они пожалеют о том, что осмелились бежать сюда. И твои харчи через нос у них выйдут.

Как Хаджи-Мурза ни старался, Харун настоял на своем. Братья окон-чательно поссорились. Старший даже сказал младшему брату, чтобы он ни-когда больше не посмел появляться в его доме. Утром рано Харун нас дей-ствительно погнал по одной из улиц города. Он не разрешил сесть на моего ослика и не позволил вести его на поводу. Я только надеялся на то, что он разрешит мне сесть на ослика, когда мы выйдем за город и я устану. На цен-тральной улице города стояли особнячки, похожие друг на друга. У одного из них Харун остановил коня, спешился, взошел на крыльцо и плеткой посту-чал в дверь, ему открыли. Он велел сыну привязать лошадь к дереву. Я тоже привязал своего ослика. Харун позвал нас за собой и вошел в дом. Нас встре-тила молодая белокурая женщина. Она показалась мне красивой и нарядной. И жилье ее было красивое. Мы сели за стол. Харун сказал ей, кто мы такие и почему оказались в городе. Как только женщина узнала, что Сагид — сын Харуна, ее приятеля, все ее внимание было обращено на него, на меня она да-же не смотрела. Это я заметил сразу же. Мне стало страшно обидно, я подумал: «У него есть отец, и все свое внимание она обратила на Сагида. У меня нет отца, я ей и не нужен». Она приобняла Сагида за плечо и, ласково глядя на него своими синими глазами, сказала:

— Сагидик, хочешь, я буду тебя учить?

— Хочиш! — ответил Сагид на исковерканном русском.

Я ждал, что она спросит и у меня, но не спросила. Этой обиды я не за-был до сих пор, до седых волос. Женщина вела себя несправедливо. Как лег-ко нанести ребенку незаслуженную обиду. В чем была моя вина перед ней? Нет, не было вины. Она не только не знала моего отца, но его у меня и не бы-ло. Тем обиднее стало для меня ее поведение. И вот когда я закончил техни-кум, а затем вуз и даже тогда, когда я уже стал доктором наук, отдельными изданиями выходили мои труды, я искал эту женщину. Я помнил только ули-цу, не знал ни номера дома, ни фамилии. А домики были похожи друг на дру-га. Если бы я нашел ее, сказал бы ей, что она в те давние дни нанесла мне, ре-бенку, большую обиду и боль, но, к сожалению, это мне не удалось. А жаль. Теперь я говорю самому себе и всем людям: надо всячески стараться не оби-жать детей. Так должно быть везде и всюду. Нет ничего болезненнее детской обиды.

Женщина нас накормила, напоила вкусным чаем, и мы пошли дальше. Харун гнал нас, сидя на добротном коне, не давая нам ни передохнуть, ни на-питья воды, как и говорил Хаджи-Мурзе. Мы были измучены, падали с ног, но он продолжал гнать нас, не щадил не только меня, но и своего сына. Он мне не дал ни разу сесть на моего ослика. Да, старший брат его был прав. Ха-рун был жестоким человеком. Таким он и сохранился в моей памяти рядом с рыцарски-благородным образом Хаджи-Мурзы. Удивительно, какие разные дети рождаются от одних и тех же родителей!.. Харун гнал нас, и мы только к полуночи добрались до Чегемского ущелья, над которым висела половецкая луна.